

БОРИСЁНОК Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М. : Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Монография видного российского историка, доцента кафедры истории южных и западных славян МГУ, главного редактора журнала «Родина» Юрия Аркадьевича Борисёнка посвящена развитию белорусского общества и формированию государственных структур на фоне острого межгосударственного и геополитического противостояния между Польшей и Россией.

В работе рассматривается зарождение белорусской государственности на советской основе, особенности проведения национальной политики в БССР, оформление межреспубликанских границ до и после Второй мировой войны. Сам автор так определил цель исследования: «выявить, оттенить и уточнить причины, ход и результаты государствообразующих и нациетворческих процессов, раз-

вернувшихся на пространстве этнического расселения белорусов и приведших в XX в. к появлению здесь государственности в советской форме, дополненной с 1945 г. статусом члена ООН, а с 1991 г. — современной форме» (с. 7).

Книга имеет три структурные части. В первом разделе представлено видение формирования «белорусского вопроса» до начала XX в., вторая и третья главы раздела посвящены реализации политики белорусизации, а также сложному процессу формирования границ белорусского государства.

Во втором разделе опубликованы архивные документы по теме, каждый из которых достоин отдельного комментария. Отметим только замечания инструктора ЦИК Союза ССР И. Ф. Акимова к докладу ЦИК БССР «О культурно-хозяйственном обслуживании национальных меньшинств БССР» (с. 294—313), где блестяще разоблачается «лукавость» советской статистики. В соответствии с одними данными «белорусов рабочих бумажников» на 1 апреля 1927 г. в республике было 62,7 %, тогда как по другому отчету на ту же дату — всего 32 %; численность русских рабочих, по материалам ЦИК, составляла всего 4,8 %, а по материалам Центрального совета профсоюзов — 47 % (с. 297).

Работа Ю. А. Борисёнка не имеет жестких внутренних рамок. Документы, касающиеся белорусизации и оформления границ БССР, включены в авторский текст первого раздела. В частности, это июльский циркуляр 1923 г. Наркомпроса РСФСР Гомельскому, Смоленскому и Витебскому отделам народного образования (с. 139, 140); письмо П. К. Пономаренко Сталину от 21.11.1938 г., в котором Первый секретарь ЦК КП(б)Б предложил арестовать «профашистских» писателей Якуба Коласа и Янку Купалу (с. 179—182).

Большое место уделено историографическому обзору. Автор демонстрирует глубокое знакомство с новейшими публикациями российских, белорусских, польских, словенских, сербских, чешских историков. Вместе с тем текст монографии перенасыщен цитатами. Читатель просто оглушен потоком об-

рушивающихся на него голосов из разных исторических эпох, которые не просто вещают, а по воле автора вступают в диалоги, поддерживают друг друга или спорят. Персонажу 1866 г. неожиданно отвечают из года 2013 (с. 91). На наш взгляд, такой подход усложняет понимание сути работы. Когда же мнение М. Н. Покровского передается цитатой из статьи белорусского историка И. А. Марзалюка, не отпускает ощущение, что цитата понадобилась автору лишь для демонстрации знакомства с новейшими публикациями по проблеме. Читателя подобная избыточность сбивает с толку (с. 149).

Рассматривая предысторию формирования «белорусской проблемы» до начала XX в., автор не идет по проторенному пути последовательного изложения фактов. Он смотрит на белорусскую историю сквозь призму личностей славяноведа З. Доленги-Ходаковского, историка-слависта И. И. Костюшко, анализирует трансформацию в историографии и общественном восприятии образа К. Калиновского, обращается к деятельности А. Чарторыйского и М. Н. Муравьева.

Ю. А. Борисёнок отвергает миф об искренности белорусской национальной идеи, ее инспирированности внешними силами (с. 85). Он считает, что отчаянная борьба с «польскими интересами» в Российской империи консервировала традиционные ценности белорусского крестьянского мира. По мнению автора, большим подспорьем для сохранения белорусских этнических традиций, в том числе и языковых, было отсутствие земского самоуправления и земских школ, которые только в 1911 г. появились в Витебской, Минской и Могилевской губерниях и вообще не вводились в губерниях Гродненской и Виленской (с. 44). Делается вывод, что «традиционная как для имперских властей, так и для их польских оппонентов система координат и воззрений в белорусском вопросе образца XIX в. хоть и представляла собой своеобразный мичуринский гибрид, но решительной модернизации традиционного крестьянского социума не способствовала, что давало белорусскому обществу (естественно, при благоприятном политиче-

ском раскладе) определенный исторический шанс» (с. 85, 86).

Реализацию политики белорусизации автор относит не только к 1920-м, но и к 1930-м гг. и более позднему периоду. Автор справедливо отмечает, что в 1920-е гг. было осуществлено лишь сохранение и развитие (хотя очень противоречивое) белорусского этнического и языкового начала, «главную же задачу большевики реализовали на практике уже в конце 1930-х гг. — именно тогда началось массовое привлечение к деятельности советской власти возвращенного коренизацией слоя молодых “выдвиженцев” из “толщи народной”», в значительной части сельских уроженцев. Об эффективности подобного этнонационального эксперимента свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из этого слоя вышли сразу четыре члена высшего политического руководства СССР в 1970-е гг. — Громыко, Мазуров, Машеров и Зимянин (все четверо — крестьянские дети), работавшие в высших партийных структурах под руководством сделавшего себе карьеру на волне украинизации Л. И. Брежнева» (с. 61).

Отметим, что автор не ограничивается рассмотрением директив и отчетов партийных и советских органов, но уделяет внимание и эпизодам сопротивления политике белорусизации в Жлобине и Полоцке, сомнениям в необходимости ее осуществления, высказанным населением Речицкого и Гомельского уездов (с. 146—155).

Ю. А. Борисёнок приходит к выводу, что большевики в короткий срок и при значительных денежных вливаниях осуществили то, что к 1919 г. планировало осуществить правительство П. А. Столыпина в проекте «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» (с. 143). Опираясь на документы, автор доказывает, что расходы на народное образование в БССР увеличились с 1923/24 до 1926/27 учебного года почти в 4 раза, что в 1927 г. составляло около 40 % бюджета республики (с. 143, 265). Современного читателя названные цифры ошеломляют. По мнению автора, политика белорусизации в значительной мере способствовала деполонизации населения республики (с. 144).

Серьезный анализ автор перемежает хлесткими выражениями и не всегда, на наш взгляд, оправданными сравнениями. По его мнению, «Вуком Караджичем для белорусов стал нарком по делам национальностей товарищ Сталин...» (с. 95). Автор в целом сравнивает положение белорусов в XX в. с положением сербов в XVIII в. Он утверждает, что «подобно белорусам в межвоенный период, тогдашние сербы также были расколоты в государственном отношении. Причем в Османской империи продолжался процесс деэлитизации сербов, а в Австрийской монархии, несмотря на все трудности и препятствия, складывались условия для появления сербской элиты. Со временем ее представители начинают получать, а чаще (по старой славянской привычке) покупать различные дворянские титулы; с этого момента можно, пожалуй, говорить и о запоздалом начале формирования новой сербской аристократии...» (с. 93). На наш взгляд, логичнее было бы сравнивать становление национальной элиты белорусского и сербского народов в рамках одного хронологического периода — или века XX, или XVIII. Кроме того, в XVIII в. два на тот момент безгосударственных народа находились в диаметрально противоположной ситуации: белорусы в рамках одной империи, сербы — в составе двух империй, весьма различных по своему устройству. Обозначенная ситуация создавала принципиально разные условия для развития народов. Разорванность народного тела государственными границами имела как очевидные минусы, о которых принято говорить в первую очередь, так и открывала значительные возможности для становления слабого национального движения в тени борьбы двух империй, особенно в период обострения их отношений. Каким образом такие возможности сумели использовать, в частности, представители литовского национального движения, детально раскрыто на страницах монографии профессора Йельского университета Т. Снайдера (Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569—1999 г. Мінск: Медысонт, 2010. 424 с.). Что касается покупки представителями сербской элиты дворянских титулов «по старой

славянской привычке», то о наличии такой привычки относительно шляхты ВКЛ нам ничего не известно.

Рассматривая сложный и длительный процесс утверждения границ БССР, автор отмечает, что в качестве ключевого фактора при решении территориальных вопросов учитывались не этнографические и даже не социально-экономические цели, а принцип политической целесообразности (с. 125). Последняя определялась решением внешнеполитических задач, а именно противостоянием СССР и II Речи Посполитой. По мнению автора, «избранный большевиками вариант структурирования “большого белорусского пограничья” и решения векового спора с амбициозным и глубоко эшелонированным польским началом был в общем и целом оптимальным» (с. 342) и завершился с подписанием в Москве 16 августа 1945 г. советско-польского договора о границе. Опираясь на последнюю дату, историк неожиданно заключает: «Потому-то есть резон и у тех, кто ведет отсчет современного варианта государственности Республики Беларусь с 1944—1945 гг., и нынешний День независимости — 3 июля, установленный в память об освобождении Минска Красной армией в 1944 г., достаточно близок к реальным датам лета 1944-го, когда Сталин наконец-то определился с раз-

мерами белорусской советской территории» (с. 193).

Для нас вышеприведенный текст — головоломка. Дата последнего установления государственной границы соотносится с Днем независимости? В таком случае логично подобный российский праздник привязать к расширению территории в 2014 г. Или автор привязывает День независимости Республики Беларусь к лету 1944-го, когда Сталин определился с размерами белорусской территории, причем определился таким образом, что передал Белостокскую, часть Гродненской и Брестской областей Польше?

Отметим, что книга Ю. А. Борисёнка полна головоломок. Попробуйте угадать, какая информация скрывается за названиями параграфов «Переулоч Калиновского, или Станция Полоцк вместо Полоцкого университета», «Князь Адам, царь Николай, два Александра и три Михаила. Мичуринский гибрид накануне модернизации», «Явление гетмана “польским шпионам”». Чтобы пройти этот квест, читателю стоит отправиться в путешествие по «крутым поворотам» вместе с Юрием Аркадьевичем Борисёнком.

С. Л. Луговцова, доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук